

О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Юрий ТРИФОНОВ

Из неопубликованного

...ДУМАЮ, можно согласиться с мнением, что творчество Владимира Высоцкого — биография нашего времени. Правда, биография — это нечто связанное, последовательное. Володя же в своих песнях — вернее в большем числе своих песен — в разные времена охватил очень важные и, если так можно сказать, очень большие «пункты» нашей истории, жизни нашего народа. Ведь он отзывался — рассказывал нам — почти обо всем, чем жил наш народ. У него были стихи и песни о войне, о трудном послевоенном времени, когда он был мальчиком, но все хорошо понял и почувствовал. Есть песни о больших стройках и трудных временах тридцать седьмого года, о космосе и сплртсменах, об альпинистах и пограничниках, о солдатах и поэтах — о ком угодно. Он охватил огромный спектр нашей жизни, поэтому так велика и для многих может быть неожиданна оказалась популярность этого человека. Он вошел в самую гущу народа как самый популярный песенник нашего времени. И неудивительно, что он был понятен многим.

Я думаю, что, во-первых, у него был большой талант певца и поэта. Если бы у него не было большого таланта, он не мог бы стать настолько популярным человеком. Но что еще очень важно — это то, что он не боялся в своих песнях, а стремился даже к этому, выражать самое насущное: то, чем народ болел, о чем думал, что было предметом разговора простых людей между собой. Еще дело в том, что он не стремился свои песни как-то узаконить, сделать их официальными и даже напечатать. Это пришло позже, и было естественным желанием. Но начал он с того, что пел и писал для людей, просто его окружающих, для простых слушателей. Не ограниченный ничем, он писал о самых больших и сложных моментах нашего времени, поэтому песни его постепенно проникли в очень большую толщу народа. Для многих это было неожиданным. Его песни звучали в квартирах самых высокообразованных интеллигентов, его любила молодежь и любит, конечно, и школьники, и студенты. Я сам был свидетелем его успеха. Весной в воинском клубе он устроил большой концерт, пригласил меня. Я в первый раз видел его выступление на публике, и меня поразило, с каким восторгом и пониманием слушали его и солдаты, и офицеры в высоких чинах. Они воспринимали его как своего, потому что он был им знаком до последнего, они все имели его записки. Он, конечно, пел там и новые песни, но в принципе они его хорошо знали. Он вошел во все квартиры. Его популярность была настолько всеобщей, что его любили даже те, которые как будто и не должны были его любить, те, кого он высмеивал. А высмеивал он многих. Он был поэт и

певец остроумный, высмеивал бюрократов, чиновников, подхалимов, дураков и в способности обывателей, похитителей благополучия. У него очень много злых и чрезвычайно острых песен об этом слое городского мешанского населения, и, тем не менее, все эти люди его очень любили, как будто не понимали, что он над ними издевается. Так что в какой-то степени его колоссальная популярность загадочна, объяснить ее с двух слов я не берусь.

По своим человеческим качествам и в своем творчестве он был очень русским человеком. Он выражал то, что в русском языке я даже не подберу нужного слова, но немцы называют это «менталитетом». Так вот — менталитет русского народа он выражал, пожалуй, как никто. Причем он касался глубин, иногда уходящих очень далеко, даже в блатную жизнь, к криминальным слоям. И все это было спаяно вместе: и пограничники, и космонавты, и рабочие, и чиновники, и блатные — и это все была картина России.

Есть ли в его жизни и творчестве какая-то главная черта? Не знаю. Мне трудно выбрать какую-то одну черту, но мне кажется, Высоцкий выражал как будто то, что у нас, сумбур русского народа и в то же время широту души. Вот это все вместе, тут трудно подобрать одно слово, это поэтичное и в то же время насмешливое и мудрое

отношение к жизни, делали его песни очень жизненными.

На его похоронах было много людей. Даже люди, которые его хорошо знали, не ожидали такого. Из этого можно сделать определенные выводы. Во-первых, с точки зрения самого искусства, Володя Высоцкий был не в очень большом официальном почете, хотя снимался в кинофильмах, выступал, был артистом театра на Таганке, но по своему значению он должен был послужить, конечно, больше плацдарм. Его не так уж много рекламировали в газетах, по радио и т. д., но оказалось, он не нуждался ни в каком официальном прославлении, его талант все сделал сам. Это безусловный урок, если говорить об искусстве и судьбе и искусстве. Другой печальный урок в том, как недостаточно мы ценим людей при их жизни. Все мы, кто его знал, понимали, что это большой человек, но подлинного масштаба этой личности в общем-то никто не осознавал, даже самые близкие люди. Это урок очень горестный и, как все уроки, не идет впрок человечеству. Это так и будет продолжаться, к сожалению, но каждый раз, когда это происходит, становится очень горько.

...Поэтов в России всегда было много. Россия вообще страна поэтов, она любит поэзию. Но любовь такого масштаба, такого характера, как у Высоцкого, уникальна, ее можно сравнить только, допустим, с Есениным. Возможно, меня упрякнут в пристрастии, а преувеличили. Такие личности, как Есенин, Ма-

яковский, при разном у них отношении — они колоссальны, и их смерть произвела шок, острое впечатление. Смерть Высоцкого тоже потрясла. Это говорит о том, что в России действительно существует особая любовь к истинной поэзии, это присуще народу, это особенность народа. Но тут нужна точность: я говорю не о любви вообще к поэтам, а к нашим великим поэтам, истинным поэтам. Рядом с моей, дача Александра Трифоновича Твардовского, он пользовался и пользуется колоссальной любовью народа. Или вот, на могиле Пушкина, Пастернака, Есенина приходят люди, читают стихи, то есть выказывают такое чувство любви, которое в других странах просто неизвестно. Теперь так будет с Владимиром Высоцким.

Встреч с Володей у меня было не так уж и много, потому что мы по-настоящему познакомились только в последние годы, когда я стал автором театра на Таганке, и там мы с ним встречались. Но, может быть, о каких-то чертах его как человека можно вспомнить. Ему было свойственно, особенно в последнюю время, куда-то уезжать, куда-то нести. Иногда это было какое-то даже не очень осмысленное передвижение. Вдруг он «вытаскивался» в какой-то день, говорил: «Я улетаю в Алма-Ату или «Мне надо завтра лететь в Сочи». Почем, часто повод был простой: кому-то надо помочь, друг идет, для него надо что-то сделать.

Помню, однажды, когда была премьера «Дома на

набережной» на Таганке — это была последняя премьера, после этого «должен был» быть банкет, я на Красной Пахре встретил Володю, который со своей дачи ехал в Москву. А он всегда, когда видел меня на дороге, останавливал машину, выходил и очень торжественно целовался, у него была такая трогательная манера — никогда не мог просто проехать. Вид у него был чрезвычайно обеспокоенный и встревоженный. Я говорю: «Володя, вы сегодня придете на банкет?». Он не участник спектакля, но все равно мне очень хотелось, чтоб он был.

«Нет, Юрий Валентинович, простите, но я уезжаю. Куда? «Куда лесоповал». Е Тюмень куда-то, он сказал, в Западную Сибирь. Я был, конечно, страшно удивлен: ведь сезон в театре еще не закончился, какой лесоповал? Мы простылись, на другой день я сам улетаю. Чужой лесоповал, он, кажется, не поехал, но я вспомнил это к тому, что в последнее время он был обуреваем какими-то порывами куда-то мчаться, совершать совершенно фантастические поступки.

И вот Новый год — этот трагический для него — мы его встречали вместе. Запомнил эту ночь только потому, что там был Володя и я видел, как проявилось другое Володино качество, — его необыкновенная скромность. Это, может быть, плохо звучит, но может быть... Образовалась довольно большая компания, какая-то очень легкая. Это было в одном доме, здесь, на Пахре. Пришли Володя с Мариной Володя принес гитару. И вот вся эта публика, рэстаран какая-то, я не знаю, чем она была объединена, за всю ночь даже ни разу не попросила его спеть, хотя он пришел с гитарой. А он был очень приметлив со всеми, всем успев сделать приятное, справивал о делах, предлагал помощь, потом даже позвонил Володе в Москву, никто другой не вызвался. Так вот, когда мы уже уходили, это было под утро, моя жена сказала ему: «Золотая, ну как же так, мы провели всю ночь, и вы даже не спали ничего, а мы так хотели вас послушать, даже решили вас попросить, а вы не спали». Он говорит: «Да ведь другие не хотели, я ушел». Ну ничего, мы в следующий раз специально соберемся».

Это была ужасно идиотская ночь, и в той компании он единственный был человек со всенародной славой. Звезда, как принято говорить. А если себя как скромнейший, совсем незаметный человек, и, вообще, не как звезда. И это, мне кажется, было его естественным качеством, природным и поэтому очень редким...

1980 г.

Публикация
Ольги Трифоновой-
Мирошниковой.